

Э. БЕРК

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ*

Попытка прескрипций во Франции ведет к беззаконию

Если несправедливость курса, проводимого во Франции, будет ясна, то очевидными должны быть также и его результаты. Человека, непредвзято заботящегося только о народном благополучии, немедленно поразит различие между политикой создания соответствующих институтов и политикой их тотального уничтожения. И это при том, что они глубоко пустили корни и настолько переплелись с другими жизненными реалиями, что одно не может быть разрушено без нанесения ущерба другому. Он может смутиться, если положение дел было таким, как его представляют софисты в своих пустячных дебатах. Но здесь, как и в разрешении большинства государственных проблем, можно найти компромиссное решение и избежать альтернативы абсолютного разрушения или прозябания без всяких реформ. *Spartam pactus'es; hanc exorna*¹. Это, на мой взгляд, мудрое правило всегда должно присутствовать в поле зрения честного реформатора. Я не могу постичь, как человек мог подняться до такой степени самонадеянности, что рассматривает свою страну всего лишь как *carte blanche*, на которой он может писать все, что ему заблагорассудится. Человек рассудительный и щедрый может пожелать своему обществу нововведений, отличных от привычного ему порядка, но настоящий патриот и истинный политик в первую очередь будут рассматривать, как добиться наибольшего из имеющегося в наличии, из того, чем страна располагает в данный момент. Установка на то, чтобы сохранить лучшее и способность к усовершенствованию недостаточного, взятые вместе, — вот что определяет для меня государственного человека. Все остальное изначально пошло и сомнительно. Истинная политическая мудрость состоит в том, чтобы исправлять, а не уничтожать прежние институты.

В истории государства бывают моменты, когда люди, наделенные прозорливостью, именно по этой причине становятся призванными способствовать благополучию страны. Но даже в эти моменты, когда они, казалось, пользуются полным доверием монарха и всего народа, у них не всегда бывают под рукой необходимые средства. Чтобы вершить великие дела, политику нужна власть, которую наши рабочие сравнивают с тугим кошельком, и если он находит эту власть, то в политике все происходит по законам механики: он не может ее не применять. В монастырях, на мой взгляд, были найдены средства для осуществления политической щедрости. Были доходы, направленные на улучшение народного благосостояния, были люди, полностью отрешившиеся от личной жизни и живущие только для

---

* Продолжение. Начало см. в NN 6—7, 1991.

народа, для достижения его целей, для чего использовались государственные связи и государственные установления; люди, у которых просто не было возможности отдать общественные блага на откуп личного произвола; люди, лишенные личных пристрастий и чьи устремления служат на пользу обществу; люди, для которых личная бедность — честь, а безоговорочное послушание означает свободу. Тщетно человек будет искать возможность достичь этого, когда захочет. Все идет своим чередом. Эти институты — продукт энтузиазма, они служат мудрости. Разум сам по себе не может создать ничего подобного, это дар природы или случая... Постоянное поддержание существования отдельной организации, имеющей собственность, — вот это устраивает человека дальновидного, тщательно обдумывающего начинания, требующие времени для созидания, а после их утверждения долго приносящие пользу. Такой человек зачастую не имеет высокого положения, и даже не упоминается в приказах крупных государственных деятелей, которые, приобретя власть, ведущую к богатству, способствуют насаждению дисциплины и традиции в таких институтах, которые Вы грубо разрушили, не преобразовав власть в великое и прочное благо для своей страны.

Исходя из вышесказанного, изобретательному уму предлагаются тысячи проектов. Разрушение любой власти, падение созидательного человеческого разума до уровня дикости — это почти равноценно в моральном отношении физическому уничтожению всего хоть сколько-нибудь активного в материальном мире. Это равносильно попытке лишить (если бы это было в человеческих силах) селитру ее разрушительной силы или отнять силу у пара, или электричества, или магнетизма. Эти виды энергии всегда существовали в природе, и их всегда можно было различить. Некоторые из них казались бесполезными, некоторые — вредными, некоторые не лучше, чем детские забавы до тех пор, пока созерцательная способность, соединенная с практическим умением, не приручила их дикую природу, не подчинила их пользе. И вот затем вдруг самые мощные и устойчивые начала оказались под пятой у человеческих страстей и пустых прожектов. 50 тыс. человек, чьим умом и силами Вы могли бы управлять, и сотни тысяч годового дохода — не слишком ли много для Вас с Вашими способностями к руководству? Разве у Вас нет другого способа использовать людей, кроме как обращая монахов в пенсионеры? Разве у Вас не было других способов перевода дохода на счет, кроме непредусмотрительной и расточительной распродажи? Если бы Вы по глупости ни во что не вникали, то дела бы еще шли своим чередом. Но Ваши политики ничего не понимают в торговле, и поэтому играют с огнем, продавая то, без чего нельзя обойтись.

Во Франции философская самонадеянность преобладает над политической мудростью. Но институты уже изначально основаны на предрассудке; его они и восхваляют. Я не собираюсь обсуждать эту проблему; но Вы должны извлекать из предрассудков то положительное, что может служить на пользу общества. Вы извлечете выгоду из многих склонностей и страстей человеческого разума, которые так же двойственны с точки зрения морали, как и сам предрассудок. Это была Ваша задача — исправить и смягчить все пагубное в этих страстях. Является ли предрассудок самым великим из грехов? Я думаю, что в большинстве случаев он превращается в великое зло. Однако это является немалым моральным фактором и, конечно же, он допускает любые модификации. Предрассудок — религия слабого разума, который нужно принимать без излишней восторженности, иначе Вы лишите свой слабый разум источника, необходимого сильному. Основа любой истинной религии заключается в смирении своей воли перед повелителем мира; в вере его заповедям и в уповании на его совершенство. Все остальное — это наше воображение. Религия может до самой глубины своей быть полна предрассудков и может играть вспомогательную роль. Умные люди не поклоняются (по крайней мере не поклоняются Мунга Тегге²) религии слепо, но и не испытывают к ней большой ненависти. Разум — не самый строгий критик глупости. Те, кто соперничают в глупости, ведут безжалостную войну, которая сильно усложняет использование лю-

бых завоеваний. При этом обе воюющие стороны берут на вооружение чрезмерную глупость. Благоразумие нейтрально, но если в борьбе между нежной преданностью и лютой антипатией природа не даст проявиться гневному безрассудству, то осторожный человек должен будет сделать выбор: какие ошибки и избыток энтузиазма осудить, а какие стерпеть. Возможно, он придет к выводу, что предрассудок, который созидает, предпочтительней того, который разрушает; тот, который украшает страну, лучше того, который ее деформирует; который обеспечивает постоянный доход, более сносен, чем тот, который грабит и расхищает; тот, который склоняет к ошибочному благодеянию, легче перенести, чем тот, который ведет к вопиющей несправедливости; тот, который заставляет человека отказаться от законных радостей и удовольствий, благороднее того, который вырывает у людей скудные средства к существованию.

Таково, я думаю, различие в этом вопросе между древними основателями монашеских предрассудков и предрассудков лицемерных философов сегодня.

В настоящий момент я откладываю рассмотрение предполагаемого национального дохода с продажи, который склонен считать абсолютно иллюзорным. Я буду рассматривать это как переход собственности и побеспокою Вас некоторыми мыслями и идеями по вопросу политики этого перехода.

Экономическая оценка конфискации церковной собственности

В любом процветающем обществе производится немного больше того, чем необходимо для удовлетворения жизненных потребностей производителя. Этот излишек формирует доход земельного капиталиста. Он будет потрачен собственником, который не работает. Но эта праздность уже сама по себе — источник труда; это спокойствие и этот отдых стимулируют промышленность. Единственная задача государства заключается в том, чтобы капитал, взятый в ренту у земельного капитала, был возвращен обратно промышленности (откуда и пришел), и чтобы расходы нанесли минимальный ущерб моральным устоям тех, кто расходует капитал, и тех, к кому он возвращается.

С точки зрения доходов, расходов и личной занятости, трезвомыслящий законодатель сначала и хорошенько сравнит профессора, которого он хотел уволить, с незнакомцем, которому предложено занять его место. Перед тем, как возникают неудобства крупномасштабной конфискации, сопровождающие все революционные преобразования собственности, мы должны быть уверены в том, что покупатели конфискованной собственности будут в значительной степени более трудолюбивыми и добродетельными, более трезвомыслящими и менее склонными к вымогательству непомерно большей для себя доли, чем установлено для каждого гражданина; или же покупатели должны быть более компетентны в равноценном распределении излишка (что отвечало бы политическим целям), чем бывшие владельцы; называйте при этом бывших владельцев епископами или канониками, или хваленными аббатами, или монахами, или как Вам еще захочется. Монахи ленивы. Пусть и будут такими. Предположим, что они только поют хором и больше ничего не делают. Они столь удачно пристроены, как и те, кто не поют и ничего не говорят. Не хуже тех, кто поет со сцены. Так же хорошо устроены, как если бы работали с рассвета до заката или были заняты деградирующей, неподобающей и зачастую вредной работой, на которую благодаря социальной экономии обреченно столь много негодяев. Если бы не было так пагубно нарушать естественный ход событий, ускорять, несколько это возможно, круговорот всего и вся, или то колесо, которое движется трудами несчастных людей, я бы лучше спас их от безжалостной промышленности, чем грубо разрушал размеренный ритм жизни монастырской тишины. Человечество, а возможно, и политика, смогут лучше оправдать меня в том или ином случае. Я часто обдумываю этот вопрос. Я уве-

рев, что кроме необходимости подчинения игу роскоши и деспотичным капризам, которые распределяют излишек продукта, никакие другие соображения не смогут оправдать терпимость к таким ремеслам в хорошо управляемом государстве. Но, мне кажется, что расходами ленивых монахов можно так же хорошо управлять, как и расходами наших пустых копуш.

Защита монастырей и священников

Когда преимущества обладания и преимущества проекта равнозначны, мотива на изменение не существует. Но в данном случае они не равнозначны и различие идет в пользу обладания. Я не думаю, что расточительность тех, кого Вы собираетесь выгнать, действительно повлечет за собой искажение, деградацию и нищенскую оплату тех, за счет кого они существуют, как и расточительность тех фаворитов, в чьи дома Вы вторгаетесь. Почему расходы крупной земельной собственности, которая распространяет излишек продукта, должны казаться Вам или мне невозможными, когда своим чередом идет объединение огромных библиотек — этой истории силы и слабости человеческого разума; создаются великие собрания древних записей, медалей, монет, которые подтверждают и объясняют законы и обычаи; создаются картины и скульптуры, которые, имитируя природу, пытаются расширить рамки созидания, воздвигаются памятники умершим, которые сохраняют связь с жизнью; коллекционируются образцы природы, со временем вырастающие в представительную Ассамблею всех классов и семейств всего живого на Земле, которая представляет и открывает восторженному любопытству новые горизонты науки? Если великие и вечные институты государства хорошо защищают все эти целевые расходы от изменчивых расходов и сумасбродства отдельных лиц, то хуже ли это, чем если бы у всех граждан вкусы были абсолютно одинаковы? Разве пот и труд каменщика и плотника, которые работают так же усердно, как и крестьянин, не внесут свой вклад в построение и обновление чудодейственных доктрин религии, как вносят они свой вклад в создание расписных палат и убогих свинских лачуг, в которых плодятся порок и роскошь; в обновление тех священных работ, которые со временем высоко почитаются, в создание временных хранилищ скоротечного сладострастия, в опере, публичных, игорных домах и клубах? Неужели маслин и винограда гораздо меньше в скромном рационе питания тех, кого ханжеское воображение поднимает на верхнюю ступень достоинства путем церковных толкований, чем в изнеженном питании бесчисленного количества тех, кого унизили, превратив в бесполезную домашнюю прислугу, поклоняющуюся чести и гордости человека? Неужели расходы на украшение храмов менее достойны умного человека, чем расходы на покупку лент, кружев и национальных кокард, чем мотовство бесчисленных щеголей и глупцов, растрачивающих богатство своей страны?

Мы миримся даже с ними, отнюдь не из любви к ним, а из-за страха перед худшим. Мы миримся с ними из-за сохранения собственности и свободы на уровне, необходимом, чтобы их можно было терпеть. Но почему объявлять вне закона и запрещать другое и, конечно же, в каждом случае гораздо лучшее использование поместий? Почему путем нарушения владения собственностью, яростно борясь против принципов свободы, силой низводить их от лучшего к худшему?

Это сравнение между представителями нового направления и старым корпусом проведено на уровне предположения, что он не в состоянии был провести какие-либо реформы. Касаясь проблемы реформации, я всегда рассматриваю корпоративные организации как единичные, так и состоящие из многих членов, что помогает им быть более восприимчивыми, по сравнению с отдельными гражданами, к управлению своей собственностью и к регулированию обычаев и нравов жизни своих членов; и мне кажется, что это материально значимо для тех, кто предпринимает шаги к созданию политического предприятия, а также и монастырских поместий.

Что касается поместий, которыми владеют епископы, каноники и аббаты, я не могу выяснить, для чего порядок владения некоторыми земельными поместьями строго ограничивается правом наследования.

Владение собственностью есть использование определенных обязанностей; от ее хозяев требуется хотя бы внешнее благородство и суровость манер, они должны высказывать щедрое и одновременно сдержанное гостеприимство, а часть своего дохода — жертвовать на благотворительные цели. Хозяева этой собственности, даже когда они разуверятся в своей вере и постепенно превращаются в простых мирских дворян и джентльменов, ни в каком отношении не хуже тех, кто может прийти им на смену после конфискации. Неужели лучше, если поместья находятся в руках тех, у кого нет никаких обязанностей, чем в руках тех, у кого есть хотя бы одна? Тех, кто в своих действиях опирается на добродетель, чем тех, кто в управлении имением руководствуется только своей волей и алчным аппетитом? Значительная часть земельной собственности может официально содержаться пожизненно, но мне не кажется, что существование поместий, которые приобретаются другими средствами, отличными от предшествовавшего приобретения за деньги, нанесут материальный ущерб государству.

Последствия для Франции, отринувшей истинные начала общественной жизни

Считается, что 24 млн. человек должны превалировать над 200 тыс. только в том случае, если построение королевства было бы чисто арифметической задачей. Этот вид рассуждения хорошо согласуется с фонарным столбом³; для тех, кто может взвешенно принимать решения, это смешно. Воля большинства, их интересы очень часто могут различаться, и еще сильнее будет это различие, когда они сделают неверный выбор. Правительство, состоящее из 500 графских прокуроров и скромных священников, не слишком подходит для 24 млн. человек, хотя оно и было выбрано 48 млн.; не лучше оно и для того, чтобы быть ведомыми дюжиной людей у власти⁴; теми, кто обманул их доверие с целью достижения власти. В настоящее время Вы, кажется, сбились с истинного пути. Собственность во Франции уже не в почете. Конечно же, она разрушена, разумной свободы не существует. Все, чего Вы добились в настоящий момент, это оборот бумаг и документов и создание биржи труда; а что касается будущего, то неужели Вы серьезно думаете, что территорией Франции, с ее республиканской системой 83 независимых муниципалитетов (не говоря уже об их составляющих) можно будет управлять как единым целым или ее можно будет привести в движение разумом одного человека? С завершением своей работы Национальная Ассамблея завершит и свое разрушение. Эти республики не будут долго терпеть свое подчиненное положение по отношению к Парижской республике. Они не вынесут, чтобы один орган довлел над королем и оказывал нажим на Ассамблею. Каждый сохранит для себя свою часть разграбленного церковного имущества, но ни награбленное добро, ни продукты промышленности, ни плоды земли не будут использованы для подъема авторитета или для баловства роскошью рабочих Парижа. В этом они не увидят и тени равноправия, под предлогом которого их убедили отказаться от верности суверенитету и приверженности к старому устройению своей страны. При таком порядке, который они сами только что создали, не может быть столицы. Они забыли, что, сформировав демократические правительства, они фактически разорвали свою страну на части. У лица, которое продолжают называть королем, не осталось и сотой доли власти, необходимой, чтобы удерживать вместе все республики. Парижская республика попытается покончить с разложением армии и незаконными способами сохранить навсегда Ассамблею как средство укрепления своего деспотизма. Парижская республика, превратившись в центр безграничного оборота бумаг и документов, попытается притягивать все к себе, но тщетно. Вся эта политика, несмотря на ее сегодняшнюю ярость, в конце концов окажется слабой и немощной.

Опасность для Британии

Если Вы опять попадаете в ситуацию, сравнимую с той, в которой Вы уже оказывались, то пусть судит Бог, я не могу поздравить Вас с Вашим выбором или с теми плодами, которые бы увенчали Ваши страдания. Я не могу пожелать любому другому народу действовать по правилам, влекущим за собой такие последствия... Господа из Революционного общества, которых так рано начали чествовать, имеют четкое мнение о том, что существует некая схема политических действий, приносящая положительный результат там, где она применяется. Вы, доктор Прайс⁵, тот, кто, кажется, сам страстно рассуждал об этом предмете, обращаетесь к своей аудитории со следующими замечательными словами: «Я не могу сделать выводов, не освежив в Вашей памяти истории вопроса, на который я неоднократно ссылался, вопроса, который, возможно, Вы давно ожидали; рассмотрение вопроса, оказавшего на меня необъяснимо большое влияние. Я имею в виду рассмотрение преимуществ нашего времени в развитии свободы»⁶.

Было бы очень недальновидно говорить, что разум этого политического проповедника был в то время переполнен необыкновенными замыслами и проектами; и очень проблематично, чтобы мысли аудитории, которая лучше его понимала, чем я, обгоняла ход его рассуждений и цепочку условий, к которым они вели.

До того, как я прочел эту проповедь, я был уверен, что живу в свободной стране; и благоговел перед этой мыслью, которая заставляла меня еще больше любить свою страну.

Я действительно знал, что охранять завоевания нашей свободы не только от вторжения, но и от упадка и коррупции, было нашей первейшей необходимостью. Однако я считал это сокровище скорее имуществом, которое должно защищать усерднее, чем просто выгоды, за которые еще нужно бороться. Я не понимал, почему настоящее время стало таким удобным для усилий в борьбе за свободу. Настоящее время отличается от любого другого только обстоятельствами происходящего во Франции. Если пример этого народа должен иметь огромное влияние, я легко пойму, некоторые из действий, имеющие неприятный аспект и не слишком совместимые с гуманностью, щедростью, доброй волей и справедливостью, которые смягчены таким нежным отношением к зачинщикам и породили такую героическую стойкость у страдающих. Конечно же, неблагоприятно дискредитировать власти и тем более следовать этому в дальнейшем. Но при этом нас подводят к естественным вопросам: каковы причины свободы и что представляют собой усилия в ее пользу? Почему пример Франции настолько благодатен? Должна ли наша монархия подвергнуться уничтожению со всеми ее законами, всеми трибуналами и всеми древними корпорациями королевства? Должны ли исчезнуть все земельные межевые знаки в стране в пользу геометрических и арифметических построений? Проголосуют ли против палаты лордов как против бесполезного органа? Будет ли отмечен епископат? Будут ли распроданы церковные земли евреям и маклерам или отданы в качестве взятки вновьиспеченным муниципальным республикам за участие в святотатстве? Будут ли все налоги объявлены неправомерными, а доходы сокращены до патриотических вкладов или подарков? Заменят ли серебряные пряжки для туфель земельный налог и налог с солодового напитка для поддержания морских сил королевства? Будут ли упразднены все чины и различия таким образом, что из всеобщей анархии, смешанной с национальной несостоятельностью, 3 или 4 тыс. демократических республик будут сформированы в 83, что они все смогут при помощи некой привлекательной власти быть преобразованы в одну? Для достижения этой великой цели будут ли соблазнять армию отказаться от дисциплины и верности, потворствуя пьянству и разложению, а затем преподнося подарок в виде увеличения жалования? Будут ли соблазнять юре, давая им обманчивую надежду на получение своей доли от грабежа их же собственного прихода? Откажутся ли жители Лон-

дона от своей преданности, если их будут подкармливать за счет их же собратьев? Заменят ли бумажные деньги законную монету королевства? А то, что останется от разграбленного национального дохода, пойдет ли на осуществление дикого проекта содержания двух армий, чтобы те следили друг за другом и боролись бы друг с другом? Если в этом и заключаются цели и средства Революционного общества, то я должен отметить, что они хорошо перепутаны, и Франция может снабжать их обоих подходящими прецедентами.

Я вижу, что Вы привели свой пример, чтобы опозорить нас. Я знаю, что о нас думают как о глупом и медлительном народе, который, как только считает ситуацию сносной, сразу же становится пассивным и которому обладание заурядной свободной помешало достичь своего совершенства. Ваши вожди во Франции сначала восхищались, почти преклонялись перед британским государством, но как только ушли «перед, стали смотреть на него с высокомерным презрением. Среди наших сторонников Вашей Национальной Ассамблеи царит единое мнение о том, что раньше считалось славой и гордостью их страны. Революционное общество открыло, что английский народ не свободен. Его сторонники убеждены, что неравноправие в нашем представительстве — это «грубый и очевидный недостаток нашей конституции». Представительство в законодательстве королевства — не только основа всей конституционной свободы в нем, а «всего законного правительства; без него правительство — всего лишь узурпация»; когда представительство частично, то королевство обладает лишь частичной свободой, а если предельно частично, то создает лишь видимость свободы, если же частично выше предельно возможного, то становится помехой».

Доктор Прайс рассматривает эту неадекватность правительства как нашу основную препону⁷, хотя и надеется, что это подобие представительства еще не достигло полного совершенства в безнравственности и порочности. Он боится, что «ничего не будет сделано для получения обязательного благословения до тех пор, пока с помощью оскорбления власти не будет снова спровоцировано наше возмущение и негодование или же пока какое-либо великое бедствие или катастрофа не возбудят наши страхи или же до тех пор, пока достигнутое другими странами честное и равное представительство не сделает нас объектом насмешек и позора». Он прикалывает записку со следующими словами: «Представительство избрано главным образом казной и несколькими тысячами отбросов общества, которому щедро заплатили за их голоса».

Защита Британской конституции

Можно лишь улыбнуться про себя последовательности тех демократов, которые, не будучи при исполнении служебных обязанностей, относятся к простому народу с величайшим презрением и в то же время притворно клянутся сделать его обладателем всей власти.

Потребуется много времени, чтобы показать Вам многочисленные заблуждения, которые остаются незамеченными в неопределенной и двусмысленной природе понятия «неравное представительство». Я здесь только отмечу, отдавая должное старомодной конституции, благодаря которой мы долгое время процветали, что наше представительство оказалось абсолютно адекватным тем целям, для достижения которых народное правительство всегда необходимо. Я бросаю вызов врагам нашей конституции, чтобы показать обратное. Для уточнения частных, с помощью которых можно успешно продвигаться к своим целям, потребуется целый научный трактат по вопросу нашей практической конституции. Я показываю здесь очевидную идею революционеров, состоящую в том, какое мнение о конституции сложилось у этих господ и почему они, кажется, преуменьшают значение оскорблений власти и великих бедствий и катастроф, дающих будто бы шанс на благословение конституции и ее идей. Вы видите, почему они так сильно болеют за Ваше равное представительство, которое, будучи однажды приобре-

тенным, может иметь те же последствия. Вы прекрасно видите, что они рассматривают нашу палату общин всего лишь как «видимость», «форму», «теорию», «тень», «насмешку» и, возможно, «досадную неприятность».

Эти господа считают себя последовательными, и не без основания. Поэтому они должны взглянуть на грубые дефекты правительства этого основного повода для недовольств (так они его называют), Как на вещь не только порочную уже саму по себе, но и объявляющую все наше правительство абсолютно незаконным, откровенно узурпированным. Другая революция, вершащаяся для свержения этого незаконного и самовластного правительства, конечно же, будет совершенно законной, если не абсолютно необходимой. В действительности, если приглядеться повнимательнее, то можно увидеть, что они идут дальше простой замены членов палаты общин, т.к. если народное представительство необходимо для утверждения законности всего правительства, то палата лордов объявляется незаконной и коррумпированной уже изначально. Эта палата не представляет весь народ «ни по виду, ни по форме». Положение короны шаткое: тщетно она пытается отгородиться от этих господ с помощью авторитета государственных институтов; принятых во время революции. Революция, к которой прибегли только из-за ей титула, по их схеме, сама желает иметь титул. Революция строится, согласно их теории, на такой же шаткой основе, как и наши сегодняшние нормы и правила, как это было сделано палатой лордов, не представляющей будто бы никого* кроме самой себя, как это делается в настоящее время палатой общин, как они говорят, с помощью «насмешки над правительством».

Они обязательно должны что-нибудь разрушать, или же их существование покажется им бессмысленным. Одни разрушают гражданскую власть посредством священнослужителей, другие уничтожают духовный сан с помощью гражданской власти. Они прекрасно знают, что при двойном разрушении церкви и государства для народа наступают самые тяжелые времена; но они настолько увлечены своим теориями, что уже не просто намекают, а ясно дают понять: разрушение, со всеми последующими бедами, которые им кажутся вполне естественными, они не рассматривают как невозможное, и оно определенным образом вписывается в круг их желаний. Человек с большим авторитетом и, бесспорно, талантливый, говоря о союзе церкви и государства, отмечает: «Возможно, разрыв этого неестественного альянса произойдет лишь после падения гражданской власти. Несомненно, это время будет для нас пагубным. Но почему нужно только горевать о политических потрясениях, если они будут сопровождаться желаемыми результатами?». Вы можете убедиться, что эти господа готовы к величайшим бедам, которые могут разрушить их страну!

Истинные принципы правления.

Ложная теория прав человека

Поэтому неудивительно, что увлеченные идеями собственной конституции и собственного правительства как незаконного и самозванного эти господа устремляют свои взоры, полные страстного энтузиазма, за рубеж. Пока они охвачены этими мыслями, бесполезно что-либо говорить о практике их предшественников, о фундаментальных законах их страны, о твердой и непоколебимой форме конституции, чьи принципы подверглись длительной проверке практикой, поддерживались народом и приводили к повышению национального благосостояния. Они отрицают опыт (практику) как разум необразованных людей; что касается всего остального, то они сделали глубокий подкоп, который одним махом уничтожит весь опыт античности, все парламентские прецеденты, хартии и акты. Они обладают «правами человека». Против их действий рецептов не дают, в данном случае и договоры не удержат, «права человека» не признают нравы и компромиссы: все, не отвечающее их требованиям, является ошибочным и несправедливым. На их фоне права человека не позволяют государству искать защиту в своем раз-

вителии или в справедливости и милосердии администрации. Если форма не согласуется с теорией, возражения этих теоретиков так же весомы на фоне старого благодетельного правительства, как и на фоне самой жесткой тирании или только что возникшего самозванства. Они всегда спорят с любым правительством, но не по вопросу оскорблений, а по поводу компетенции и титулов. Мне нечего сказать о хитростях и коварстве этих политических метафизиков. Пусть повеселят Школьников. «*Ille se jactet in aula — Aeolus, et clauso ventorum carcere regnet*»⁸. Но пусть не взламывают тюрьму так, чтобы та обрушилась от какого-нибудь Ливантера⁹, разметающего землю и вздымающего вихри.

Истинная теория прав человека

Я не отрицаю теоретически и не утаиваю на практике (если бы в моей власти было давать и отнимать) реальные права человека. Отрицая фальшивые требования прав человека, я вовсе не хочу оскорбить реальные права как притворные и лицемерные, подлежащие полному разрушению. Если цивилизованное общество было бы создано для развития человека, то все преимущества, ради которых оно (государство) создано, стали бы его правами. Государство — институт благодетельства, закон же является только благодетелем, действующим по правилам. Человек имеет право жить согласно этим правилам, он имеет право на справедливость в правосудии несмотря на то, занят ли он в политике или на каком-либо другом поприще. Человек имеет право пользоваться средствами производства и продуктами промышленности. Он имеет право знать своих родителей, имеет право на оказание и улучшение условий жизни своих отпрысков, на то, что кто-то будет руководить его жизненным путем и утешать на смертном одре. То, что каждый человек может сделать в отдельности, без посягания на других, то же, что он имеет право сделать и для себя, он имеет право на справедливую долю всего того, что общество, путем соединения умений и сил, способно сделать для него. В этом партнерстве у всех равные права, но все-таки не на одни и те же вещи¹⁰. Тот, чей вклад в этом сотрудничестве — пять шиллингов, имеет точно такое же право на него, как и тот, чей вклад составляет 500 фунтов. Но они не имеют равных прав на одинаковый дивидент в продукте совместного капитала, и что касается доли власти, авторитарности и управления, которыми каждый человек должен обладать в управлении государством, то я не рассматриваю их среди непосредственных прав человека в цивилизованном обществе, т.е. в своих рассуждениях имею в виду человека цивилизованного общества и никого другого. Этот вопрос должен быть решен посредством соглашений.

Если цивилизованное общество — результат соглашений, то этот договор должен стать его законом. Он должен ограничивать и модифицировать все основы конституции, которые ею были сформированы. Все виды власти — законодательная, исполнительная и судебная — являются ее детищем. В любом другом состоянии они могут быть не жизнеспособны. Как кто-либо может в рамках договора цивилизованного общества требовать прав, которые даже не предполагают существование этого общества? Требовать прав, которые абсолютно несовместимы с ним? Один из первых законов цивилизованного общества, который перерастает затем в один из основных, — это то, что ни один человек не может быть сам себе судьей. То есть человек сразу же лишается первейшего и основного права: судить самого себя и отстаивать свое дело. Он отказывается от права быть собственным хозяином. Но в то же время он в значительной степени отказывается и от права на самооборону — первейшего закона природы. Люди не могут пользоваться правами цивилизованного и нецивилизованного общества одновременно. Для того, чтобы можно было добиться справедливости, человек отказывается от нее полностью.

Истинная суть правления

Правительство не создано посредством естественных прав, которые могут существовать и существуют независимо от него: причем их совершенство достаточно, но их абстрактное совершенство есть их же практическая ошибка. Имея право на все, они хотят всего. Правительство — изобретение человеческого разума, призванное удовлетворять человеческие желания. Люди имеют право на их удовлетворение. Среди этих желаний можно выделить одно, которое выходит за рамки цивилизованного общества и за рамки ограниченных страстей. Общество требует не только подвергать тщательному изучению страсти отдельных личностей, но в общей их массе и по отдельности контролировать свою волю и в итоге смирять и укрощать страсти. Это может быть сделано только властью, стоящей над всеми и не подчиненной этой воле и этим страстям, обузданию и покорению которых она служит. В этом смысле наказания людей, так же как и их свободы, должны быть выделены как их права. Но так как свобода и ограничение ее изменяются во времени и обстоятельствах и допускают какие угодно модификации, то они не могут быть установлены СОГЛАСНО какому-либо абстрактному правилу; и нет ничего глупее, как обсуждать эту проблему отвлеченно.

С того момента, как Вы сократили список полных прав человека и позволили искусственно ограничивать эти права, с того момента правительство занимается лишь рассмотрением выгод и удобств. Это то, что делает конституцию государства и соответствующее распределение власти вопросом чрезвычайно деликатным и высокопрофессиональным. Здесь требуется глубокое знание человеческой природы и всего того, что облегчает или затрудняет достижение различных целей с помощью механизма гражданских институтов. Государство должно располагать поборниками усиления его мощи и борьбы с беспорядками и волнениями. Что такое абстрактное право человека на еду и лекарства на практике? Вопрос заключается в способе доставки и снабжении ими. С этой проблемой я всегда советую обращаться за помощью к фермеру и врачу, а не к профессору метафизики.

Наука созидания благосостояния или его обновления, или его переустройства, как любая другая экспериментальная наука, не должна преподаваться а priori. Краткосрочный опыт не окажет нам помощи в овладении этой практической наукой, т.к. последствия моральных причин не всегда проявляются незамедлительно; то, что в первый момент казалось пагубным, в дальнейшем может стать идеальным и прекрасным, и высокое качество может возникнуть даже на основе отрицательного эффекта в начале своего действия. Случается и обратное, и очень правдоподобные проекты, с весьма многообещающими начинаниями, зачастую выливаются в позорные и прискорбные акты. В государстве всегда существуют незаметные, почти скрытые причины, вещи, которые кажутся на первый взгляд мимолетными, но от которых могут зависеть в большой степени процветание или упадок. Наука управления, практически уже сама по себе и предназначенная для решения таких же практических проблем — проблем, которые требуют опыта, причем такого, который ни один человек не смог бы приобрести за всю жизнь, каким бы прозорливым и наблюдательным ни был, — эта наука с необычайной осторожностью подходит к вопросу разрушения системы взглядов, сносно отвечавшей в течение веков общим целям человечества, не имея перед собой моделей, одобренных общественностью.

Законы природы не применимы к сложному обществу

Эти законы метафизики, вступая в обычную жизнь, как лучи света, проникающие в плотную среду, по законам природы преломляются по прямой линии. Действительно: в большой и сложной массе человеческих страстей и тревог простые права человека претерпевают такое разнообразие преломлений и отражений, что становится абсурдным говорить о них, как если бы они продолжались в своей

изначальной простоте. Природа человека сложна и противоречива, цели общества тоже чрезвычайно сложны, поэтому примитивная диспозиция и примитивная власть не могут соответствовать ни человеческой душе, ни делам человека. Когда я слышу о простоте изобретения, нацеленного на новые политические построения и потешающегося над ними, я прихожу к выводу, что ремесленники в большинстве своем невежественны в торговле или невнимательны к своим обязанностям. Примитивные правительства порочны уже в своей основе, если не сказать более. Если Вам было бы достаточно решать проблемы общества только под одним углом зрения, то все эти простые формы государственного устройства были бы чрезвычайно привлекательны. То есть каждая отдельная форма соответствовала бы своей единой цели в совершенстве, сложной же форме будет гораздо труднее достигать решения всего комплекса непростых задач. Но все же лучше, что сложная форма не соответствует своим задачам, отдельные проблемы решаются с большей точностью, другими же нужно полностью пренебречь или материально ущемить сверхзаботой о любимчиках.

Фальшивые права этих теоретиков чрезвычайно, и пропорционально тому, насколько они верны с точки зрения метафизики, настолько же они фальшивы с точки зрения морали и политики. Права человека где-то посередине, их невозможно определить, но невозможно и не различить. Права человека для правительства (в их преимуществе) очень выгодны, они зачастую сбалансированы между многочисленными оттенками добра и должны согласовываться друг с другом, а иногда — между добром и злом, иногда между злом и злом. Политический резон основывается на простом арифметическом подсчете: складываются, отнимаются, умножаются и делятся не метафизические или математические, а настоящие моральные величины.

Эти теоретики почти всегда софисты и путают право народа с его властью. Общественный орган, когда бы он ни возник, может и не натолкнуться на эффективное сопротивление, но до тех пор, пока власть и право есть одно и то же, это орган не обладает правом, не совместимым с добродетелью, и прежде всего благоразумием. У людей нет права на неблагоразумие и на то, что не способствует их благоразумию, хотя кто-то из писателей произнес «*Liceat perire poetis*»¹¹, когда один из них в трезвом уме, говорят, прыгнул в жерло вулкана. «*Ardentem frigidus Etnam insiluit*»¹², я смотрю на такую шалость скорее как на не имеющую оправдания поэтическую вольность, а не как на одну из привилегий Парнаса; а был ли он поэтом, божеством или политиком, выбравшим путь проповеди этого вида права, я считаю, что более умно, т.е. более милосердно, по здравому рассуждению, — спасти человека, а не хранить его бронзовые домашние тапочки как памятник его глупости.

Перевод с английского Э.Э. МАЛЬЦЕВОЙ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Достойно представляя интересы Спарты, а не свои собственные» (лат.).

² «Земной суете» (лат.) или тому подобным преходящим вещам.

³ Намек на жестокую практику времен Французской революции — людей вешали на фонарных столбах.

⁴ Из среды третьего сословия было выбрано 15 депутатов. Самый известный из них — лидер либерального дворянства и крупной буржуазии граф Г.О.Р. Мирабо (1749—1791) (не путать с экономистом-меркантилистом, а затем физиком — маркизом В.Р. Мирабо (1715—1789)).

⁵ Прайс Ричард (1723—1791). Тогдашний лидер противников официального курса в Англии. Экономист и политолог. Был на стороне Американской революции. Поддерживал тесные дружеские отношения с Бенджаминем Франклином.

⁶ Здесь и далее Берк приводит выдержки из работы Р. Прайса «Рассуждение о любви к нашей стране», написанной в 1789 г.

⁷ То, что перемены были действительно насущны и желательны, показали парламентские реформы 1832, 1867, 1884, 1911, 1918 и 1928 гг.

⁸ Вергилий. Энеиды 1. 140—141. «В этом месте слышится вой ветров Эола, там он и царствует, когда закрывает темницу своих бурь» (лат.). Цитата приводится неточно.

⁹ Сильный восточный ветер в Средиземном море.

¹⁰ Эти слова часто цитируют современные англо-американские консерваторы — социологи, экономисты, политологи. Например, Рассел Кирк.

¹¹ Гораций. Наука поэзии. 466. «Позвольте поэту погибнуть, если он этого желает».

¹² Там же. 465—466. «С холодной головой он бросился в Этну». Здесь имеется в виду древнегреческий философ, поэт и оратор Эмпедокл (493—433 гг. до н.э.). Согласно одной из версий, подобным образом он хотел доказать обществу свою божественность.

Примечания подготовил В.И. ШАМШУРИН